Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Боспорские «Ники»¹

И. Ю. Шайб²

Аннотация. Статья посвящена опровержению устоявшегося представления, согласно которому крылатые антропоморфные персонажи женского пола на памятниках античного искусства, найденных в боспорских курганах, изображали Нику. Поскольку присутствие богини победы на предметах погребального инвентаря женских могил не находит должного объяснения, автор предполагает, что женский образ в иконографии Ники получил переосмысление. Судя по изображениям на ритуально значимых предметах, обитавшие на Боспоре варвары в образе крылатой женщины на греческих изделиях видели свое собственное божество, одно из воплощений Великой богини.

Annotation. This article is devoted to refuting of an established concept according to which female winged anthropomorphic characters at monuments of ancient art found in Bosporan burial mounds depicted Nike. The presence of the goddess of victory on object from burial inventory has not been explained. The author assumes that a female role at iconography of Nike has been reconsidered. The images on important ritual objects allow suggesting that barbarian inhabitants of the Bosporus saw their own goddess in the image of the winged woman, one of incarnations of the Great goddess.

Ключевые слова: античное искусство, религия, крылатые антропоморфные персонажи, Ника, Боспор, курганы, Великая богиня.

Keywords: ancient art, religion, winged anthropomorphic characters, Nike, Bosporus, burial mounds, Great goddess.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-155-161

В искусстве греческой архаики подавляющее большинство женских божеств нередко изображалось с крыльями. Таковы Артемида, Афина, Афродита, Ника, Немесида, Эос, Ирида, Эринии, Горгоны и др. (Isler-Kerényi, 1969; Weiss, 1986; Sarian, 1986; Giroux, 1986; Kossatz-Deißmann, 1990; Karamastassi, 1992; Moustaka et al., 1992; Icard-Ginolio, 1997)³.

Эта традиция и иконографически, и семантически восходит к искусству Месопотамии, где крылатой представлялась великая шумерская богиня неба Инанна, а ее аккадский аналог Иштар изображалась с крыльями и птичьими лапами⁴. Ассоциация женского божества с крылатостью на протяжении тысячелетий была столь живуча, что еще у ранних христиан Богоматерь представлялась крылатой (Голан, 1993. С. 173).

Знаменательно, что древнейшими изображениями антропоморфных божеств,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Д-р ист. наук, ведущий науч. сотрудник Отдела истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Еще у Гомера Афина и Гера имеют птичьи черты.

⁴ Эта традиция могла иметь и европейские корни, поскольку среди найденных женских статуэток культуры Триполье-Кукутени есть крылатые (Голан, 1993. С. 173).

обнаруженными на территории Скифии — в «царских» Келермесских курганах, являются изображения именно крылатого женского божества, притом в облики Владычицы зверей, на зеркале (Шауб, 2007. Рис. 5, а, б) и ритоне (Там же. Рис. 6, а, б) конца VII в. до н. э.⁵ То же божество, но уже в варваризованной форме, представлено на золотой пластине (возможно, от деревянной чаши) из кургана Шахан (Манцевич, 1966. С. 34–35, рис. 7, 11). Поскольку многократные попытки идентифицировать это божество с одной из богинь, известных из письменных источников (Кибелой, Артемидой, Аргимпасой и др.), явно несостоятельны (Шауб, 1999; 2007; 2011), то наиболее адекватным представляется наименование этой Владычицы всего сущего Великой богиней (Шауб, 1999 и др.)⁶. На Боспоре эффектное изображение крылатой Владычицы зверей в облики Горгоны со змеями в руках представлено на халцедоне начала V в. до н. э. из погребения на Юз-Обе (Шауб, 2007. Рис. 18)⁷.

О том, что скифам и в гораздо более позднее время был близок образ крылатого женского божества, свидетельствуют не только вещи из их курганов, созданные греками, но и изделия собственно скифских мастеров, например бронзовые навершия из Александропольского кургана (Артамонов, 1966. Табл. 189). Здесь же были найдены и железные ажурные пластины, покрытые с одной стороны золотой с вдавленным рисунком,

с другой — серебряной гладкой обивкой, прибитой серебряными гвоздями. В очень грубой форме здесь представлена крылатая женская фигура (как и на навершиях — в фас) в схеме Владычицы зверей: с обеих сторон она держит за рога оленей (Там же. Рис. 130). Ритуальные функции наверший несомненны; об аналогичной роли блях свидетельствует тот факт, что они подвергались починкам. В обоих случаях явно представлено одно и то же божество, но в разных ипостасях⁸.

В эпоху классики крылатость, прежде характерная для Владычицы зверей и прочих ипостасей некогда всеединой Великой богини Эгеиды, становится отличительной чертой богини победы. Поэтому традиционно считается, что крылатые антропоморфные персонажи женского пола на памятниках античного искусства, как средиземноморских⁹, так и боспорского происхождения (золотых серьгах и подвесках, терракотах, расписных вазах), представляли Нику¹⁰ (за исключением тех редких случаев, когда иконография этого не позволяет), а персонажи мужского пола — Эрота (Скржинская, 2007).

⁸ Так же считал и М. И. Артамонов, называвший это божество «восточной крылатой богиней» (Артамонов, 1966. С. 55). О различных интерпретациях образов крылатого божества на навершии и бляхе см.: Бабенко, 2018. С. 602.

⁹ Изображением Ники считаются даже те памятники, которые, несомненно, представляют иных божественных персонажей. Так, например, объемистый комментарий о Нике сопровождает воспроизведение увенчанного голубем терракотового фимиатерия, подставкой которого служит изображение крылатой женщины (Великая Греция, ок. 500 г. до н. э.) (Ferruzza, 2016. Р. 180, 181–187, fig. 53). Поскольку и фимиатерий, и голубь являются атрибутами Афродиты, можно с уверенностью предполагать, что здесь изображена крылатая Афродита.

¹⁰ Аналогичным образом называют Никами свинцовые культовые (вотивные) фигурки в виде крылатой женщины, отлившиеся в Ольвии (Зайцева, 2004. С. 138–139). Только В. И. Денисова (Пругло) назвала найденную ею фигурку данного типа «персидской Артемидой» (Пругло, 1978. С. 48). Это вызвало категорический протест со стороны К. И. Зайцевой (Зайцева, 2004. С. 138), которая уверена, что на всех подобных памятниках представлена именно «богиня победы».

⁵ Об иконографии представленных здесь персонажей см.: Вахтина, 1998; 2004; 2005.

⁶ Явления, в некотором роде аналогичные предполагаемым для Скифии, наблюдаются и в Греции, где образ Великой минойской богини, ипостазирясь, порождает целый ряд божественных персонажей, но продолжает существовать в народной религии прежде всего в облики Владычицы зверей. Об этом популярном иконографическом типе и стоящем за ним образе универсальной богини см.: Christou, 1968.

⁷ В Скифии крылатая Горгона представлена на ручке бронзового кратера VI в. до н. э. из кургана Мартоноша (Шауб, 2007. Рис. 11). О Медузе Горгоне как одной из ипостасей Великой богини см.: Шауб, 1992. С. 70–72; Шауб, 2007. С. 95 сл.; Шауб, 2011. С. 83 сл.

Однако если образ Эрота (на расписной керамике, женских украшениях или поздних жанровых терракотах) вполне закономерен, то его изображение на краснофигурных погребальных пеликах само по себе необъяснимо. Еще более непонятно наличие Ники на вещах из женских могил, особенно на таких предметах погребального инвентаря, как деревянный саркофаг «царицы» из Куль-Обы, в сюжетах росписи которого неоднократно фигурирует крылатый женский персонаж, управляющий квадригой (Дюбрюкс, 2010. С. 115, ил. 262).

Наличие подобного персонажа, но в по́лосе и с растительными побегами вместо ног, на фронте одного боспорского деревянного саркофага, крылатость змееного монстра, представленного на золотых бляшках из Куль-Обы и ряде аналогичных памятников (схожие стилизованные образы фигурируют на золотых бляшках и украшениях (погребального ложа?) из слоновой кости, найденных в Большой Близнице), а главное, присутствие крылатой женщины на жреческих головных уборах (в погребениях № 1 и № 3 Большой Близницы, на боспорской диадеме из Мюнхена; на подвесках из Павловского кургана (Шауб, 2016. С. 59; 2017. С. 302 сл.) позволяют предполагать не только в змееногих крылатых образах (и их «растительных» аналогах), но и в полностью (за исключением крыльев) антропоморфных их подобию воплощение Великой богини. В связи с тем, что в роли ее главной ипостаси на Боспоре выступала Афродита Урания, нужно вспомнить о находке в сакральном зольнике Китея ее бюста «в высоком головном уборе, украшенном крыльями лебедя или гуся» (Молева, 2002. С. 99, рис. 2).

Следует особо отметить «Нику», которая изображена на стеленгиде из склепа № 1 Большой Близницы сидящей на овечьей шкуре, предмете глубоко сакральном, связанном с представлением о фарне (божественной благодати). Эта композиция явно намекает на то, что присутствующее здесь крылатое божество мыслилось в качестве его подателя (Шауб, 2011. С. 321).

Крылатая женская фигурка с калафом (по́лосом) на голове и тениями в руках,

представленная на височных подвесках из Павловского кургана, равно как и аналогичная богиня (исполненная в рельефе), которая являлась центром композиции на калафе из погребения № 4 Большой Близницы (реконструкцию этого священного головного убора см.: Калашник, 2014. С. 180–181), явно воспринималась не в качестве Ники, которая «выступает как аллегория победоносной красоты» (Там же. С. 112)¹¹, и не просто как олицетворение смерти, мужским аналогом которого выступал Эрот-Танатос (Шауб, 2007. С. 380).

К. Излер-Кереньи полагает, что присутствие крылатых фигур в сюжетных композициях намекает на «божественное вмешательство», на нечто происходящее «свыше» (Isler-Kerényi, 1969. S. 45). Вероятно, это предположение можно расширить, распространив в ряде случаев и на одиночные крылатые персонажи, причем не только на женские, но и на мужские (Эрот, Эрот-Танатос). Важно отметить широкое распространение заимствованного у греков образа Эрота у сарматов и парфян, что, несомненно, было обусловлено тем, что этот образ соответствовал их собственным верованиям.

Характеризуя образ крылатой женщины, часто фигурирующей в греческой вазописи, Х. Хоффман (Hoffmann, 1997. P. 44–45) не без основания связывает его с представлениями о загробном мире, видя в нем символ перехода от смерти в одном состоянии к возрождению в другом. Таким образом, скрытая в этом персонаже семантика прямо соотносится с тайной жизни и смерти на различных уровнях¹².

¹¹ Ю. П. Калашник, отмечая изображение на голове Ники калафа — атрибута божеств плодородия, полагает, что «он служит, вероятно, знаком обещания процветания и изобилия, что можно рассматривать как пример усиления возможностей божества в рамках его обычных функций» (Калашник, 2014. С. 112–113). Любопытно, что «с обратной стороны нижней части серег припаяно по петельке, что, видимо, свидетельствует о каком-то ином первоначальном использовании фигурок» (Там же. С. 112).

¹² Ср. крылатую женскую фигуру — центральный персонаж сцены посвящения — на фреске «Виллы мистерий» в Помпеях.

Поэтому даже тогда, когда в иконографии Ники нет сомнений (как, например, в ее изображении на золотых бляшках из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана (*Трейстер*, 2006. С. 166, рис. 4¹³), весьма вероятно, что (при всех прочих ассоциациях) она могла восприниматься местным населением Боспора как одна из ипостасей Великой богини.

Нет сомнений в том, что именно Ника представлена и на более ранних греческих артефактах (V в. до н. э.) из варварских погребений: летящей — на золотом перстне из гробницы 8 кургана № 17 Нимфея (*Калашник*, 2014. С. 64) и сидящей — на серебряном позолоченном килике из IV Семибратнего кургана (*Горбунова*, 1971. С. 23, рис. 5). Однако трудно предположить, что погребенные здесь варвары в образе крылатой женщины на данных вещах видели персонификацию победы инокультурной для них мифологии, а не свое собственное божество¹⁴. Сказанное можно отнести и к «Никам» на единственной серьге из женского погребения в Куль-Обе (*Калашник*, 2014. С. 144–145)¹⁵, а также к крылатой богине, управляющей квадригой, представленной на знаменитых золотых серьгах, которые были найдены И. К. Айвазовским в одном из курганов Феодосии (*Там же*. С. 196–197). Думается, что наряду с такой чисто эллинской чертой скульптурной композиции серёг, как нагой юноша со щитом, в их украшении присутствует и «варваризм» —

¹³ О том, что данное погребение жреческое, см.: *Шауб*, 2017. С. 318 сл.

¹⁴ Даже в Греции классической эпохи трактовка образа крылатого женского божества не так проста, как кажется на первый взгляд. Так, если причину появления Ники на вышеупомянутом серебряном килике афинского производства из IV Семибратнего кургана объяснить с точки зрения «классической» греческой мифологии вполне возможно, то трактовать аналогичным образом подобное изображение на аттических белофонных лекифах (см., например: *Горбунова*, 1973. С. 20, рис. 2 и 3), специально предназначенных для погребального ритуала, уже весьма трудно. О сложностях трактовки образа «Ники» на южноиталийских вазах см.: *Cambitoglou*, 1954; *Schauenburg*, 1987.

¹⁵ По Ю. П. Калашнику, «Ника здесь — символ торжества красоты» (*Калашник*, 2014. С. 145).

протомы грифонов (перемежающиеся розетками). Аналогичные протомы представлены на почти идентичных с феодосийскими украшениях — серьгах из гробницы № 1012 Херсонеса (*Там же*. С. 206–207) и ожерелье из склепа № 1 Большой Близницы (*Там же*. С. 198–199); знаменательно, что все эти драгоценности входили в ритуальный убор жриц (*Шауб*, 2017. С. 295 сл.). Даже в таком, казалось бы, бесспорном с точки зрения иконографии образе Ники, которая представлена венчающей всадника на погребальном золотом венке III в. н. э. из некрополя Пантикапея (*Калашник*, 2014. С. 260–261), боспоряне явно должны были видеть больше, чем просто изображение персонификации победы.

Чрезвычайно важное значение для нашей темы имеет сюжет, представленный на найденном в кургане Куль-Оба браслете скифского «царя». Здесь полностью доминирует крылатое женское божество, держащее на руках если не безжизненное, то бессильное нагое мужское тело (левая рука мужчины изображена повисшей). Скорее всего, данная иконографическая схема, в которой на аттических краснофигурных вазах представлялся миф об Эос и ее сыне Мемноне (или ее возлюбленном Кефале, которому, согласно мифу, она даровала бессмертие), привлекла заказчика-скифа тем, что он увидел в рассматриваемом изображении одну из ипостасей своей Великой богини (ср. с вышеупомянутой крылатой богиней, которую фланкируют морские монстры (кетосы), на диадеме начала III в. до н. э., найденной на Боспоре)¹⁶. Другой сюжет, изображенный на этом браслете, — борьба Пелея и Фетиды, протейский образ которой является одной из ипостасей Великой богини Эгеиды (*Шауб*, 2012. С. 7, 9); кстати, Фетида иногда изображалась крылатой (*Weiss*, 1986. S. 786; *Giroux*, 1986. P. 848).

Поэтому вполне резонно предположить, что браслет — предмет, который практически

¹⁶ М. Ч. Скржинская без всяких оснований видит в этой тяжеловесной композиции, которая была присоединена к изящному греческому украшению, иллюстрацию не дошедшего до нас эллинского мифа (*Скржинская*, 2010. С. 210).

во всех архаических обществах наделяется сакральными функциями, был особенно дорог «царю» тем, что обеспечивал магическую защиту посредством изображения двух разных воплощений почитавшейся им Великой богини (Шауб, 2012. С. 9).

Трактовка всех рассмотренных выше памятников полностью совпадает с мнением Ю. А. Виноградова, который тонко узорил воплощение Великой богини в образах «Ники» на Большом лекифе Ксенофанта (Виноградов, 2007. С. 49) и на фрагментах аттических краснофигурных ваз из кургана Малая Близница (Виноградов, 2004).

Конечно, отнюдь не любой крылатый женский персонаж на памятниках искусства, происходящих с территории Боспора, может автоматически считаться ипостасью Великой богини. К примеру, в таком качестве вряд ли рассматривалось изображение крылатой женщины на фигурном сосуде из гробницы, открытой в 1852 г. в некрополе Фанагории. Этот персонаж (вероятно, демон) изображен пляшущим возле жертвенника, на котором видны следы крови только что закланной жертвы (Виноградов, Шауб, 2007. С. 221). Возможно, схожую роль загробного демона приписывали «Никам», которые изображены на невысокого

качества аттических краснофигурных лекифах и других небольших сосудах конца V в. до н. э., найденных в могилах боспорян (Пантикапей и Фанагория, 2017. С. 185, ил. 12).

В то же время вряд ли можно сомневаться в наличии какой-то связи между этими персонажами и Богиней всего сущего. Здесь стоит вспомнить интересную иранскую параллель к рассматриваемому нами образу. Это фравашы (зафиксированные уже у мидян) — крылатые олицетворения души женского пола. Они выступают и как творцы мира, и как закованные в броню воительницы, подобные германским Валькириям (Шауб, 2013. С. 79–80). Как бы то ни было, налицо необходимость дифференцированного подхода к тем многочисленным и разнообразным персонажам боспорского искусства, которые называются «Никами» только из-за того, что имеют крылья¹⁷. Поэтому логично заключить, что семантика женского образа в иконографии Ники на Боспоре зависела от контекста.

¹⁷ Стоит отметить, что та же композиция, что и на кульбоском браслете, представлена на одной аттической чернофигурной ольпе конца VI в. до н. э. Однако здесь крылатым женским персонажем с нагой мужской фигурой на руках является не Эос, а Афина (Vermeule, 1979. P. 176, fig. 28).

Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия, Советский художник, 1966. 120 с.

Бабенко, 2018 — Бабенко Л. И. Коллекция Александропольского кургана в собрании Харьковского исторического музея имени Н. Ф. Сумцова // Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавец Олег Филук, 2018. С. 591–631 (Курганы Украины. Т. 6).

Вахтина, 1998 — Вахтина М. Ю. К вопросу об иконографии женских божеств на келермесских зеркале и ритоне // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; Нестор-История, 1998. С. 67–71.

Вахтина, 2004 — Вахтина М. Ю. Об иконографии женских божеств на зеркале и ритоне из Келермеса // БИ. 2004. Вып. 7. С. 63–78.

Вахтина, 2005 — Вахтина М. Ю. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 297–399.

Виноградов, 2004 — Виноградов Ю. А. Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. Вып. VII. 2004. С. 89–111.

Виноградов, 2007 — Виноградов Ю. А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 63 с.

Виноградов, Шауб, 2007 — Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. Погребения с фигурными сосудами

- из некрополя Фанагории // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 220–224.
- Голан, 1993 — Голан А. Миф и символ. М.: Руслит, 1993. 375 с.
- Горбунова, 1971 — Горбунова К. С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира: Сб. ст. / Ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора, 1971. С. 18–38.
- Горбунова, 1973 — Горбунова К. С. Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства / Ред. К. С. Горбунова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1973. С. 16–41.
- Дюбрюкс, 2010 — Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации. СПб.: ИД «Коло», 2010. 310 с.
- Зайцева, 2004 — Зайцева К. И. Свинцовые изделия IV–II вв. до н. э. местного производства в Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сб. ст. к 60-летию М. Б. Пиотровского / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 120–149.
- Калашник, 2014 — Калашник Ю. П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 279 с.
- Манцевич, 1966 — Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. № 8. С. 23–38.
- Молева, 2002 — Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород: Б. и., 2002. 156 с.
- Пантикапей и Фанагория, 2017 — Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: Каталог выставки. М.: Новые решения, 2017. 439 с.
- Пругло, 1978 — Пругло В. И. Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г. // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 45–52.
- Скржинская, 2007 — Скржинская М. В. Образ Эраста в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. 2007. № 2. С. 16–24.
- Скржинская, 2010 — Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2010. 324 с.
- Трейстер, 2006 — Трейстер М. Ю. Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н. э. / Ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 164–190.
- Шауб, 1992 — Шауб И. Ю. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к пленуму ИИМК 26–28 ноября 1991 г. Л.: Б. и., 1992. С. 70–72.
- Шауб, 1999 — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–224.
- Шауб, 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken; Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб, 2012 — Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // Новый Гермес. 2012. № 5. С. 5–9.
- Шауб, 2013 — Шауб И. Ю. Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 78–82.
- Шауб, 2016 — Шауб И. Ю. Золотая диадема из Артюховского кургана // ЗИИМК. 2016. Вып. 14. С. 58–68.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 288–324.
- Cambitoglou, 1954 — Cambitoglou A. Groups of Apulian Red-figured Vases decorated with Heads

- of Women or of Nike // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 74. London, 1954. P. 111–121.
- Christou*, 1968 — *Christou A. Ch.* Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968. 232 S.
- Ferruzza*, 2016 — *Ferruzza M. L.* Ancient terracottas from South Italy and Sicily in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2016. 243 p.
- Giroux*, 1986 — *Giroux H.* Eris // LIMC. 1986. Bd. III. P. 846–850.
- Hoffmann*, 1997 — *Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. 228 p.
- Icard-Ginolio*, 1997 — *Icard-Ginolio N.* Potnia // LIMC. 1997. Bd. VIII. P. 1021–1027.
- Isler-Kerényi*, 1969 — *Isler-Kerényi C.* Nike: Der Typus der laufenden Flügelfrau in archaischer Zeit. Zürich; Stuttgart: Eugen Rentsch, 1969. 145 S.
- Karamastassi*, 1992 — *Karamastassi P.* Nemesis // LIMC. 1992. Bd. VI. S. 733–770.
- Kossatz-Deißmann*, 1990 — *Kossatz-Deißmann A.* Iris I // LIMC. 1990. Bd. V. S. 741–760.
- Moustaka et al.*, 1992 — *Moustaka A., Goulaki-Voutira A., Grote U.* Nike // LIMC. 1992. Bd. I. S. 850–904.
- Sarian*, 1986 — *Sarian H.* Erinys // LIMC. 1986. Bd. III. P. 825–843.
- Schauenburg*, 1987 — *Schauenburg K.* Flugelgestalten auf unteritalischen Grabvasen // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Instituts*. 1987. Bd. 102. S. 199–232.
- Vermeule*, 1979 — *Vermeule E. T.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley-Los Angeles; London, 1979. 270 p.
- Weiss*, 1986 — *Weiss C.* Eos // LIMC. 1986. Bd. III. S. 747–789.

Bosporan “Nikes”

I. Yu. Shaub

In the art of Greek Archaic period the vast majority of female goddesses were often portrayed with wings. In Classical epoch wings becomes a hallmark of the goddess of victory. That is the origin of the established conception according to which female winged anthropomorphic characters at monuments of ancient art found in Bosporan burial mounds (golden jewels, terracottas, painted vases etc.) depicted Nike. However, her presence on objects of burial inventory cannot be properly explained. Therefore it is logically to suggest that the female role at iconography of Nike has been reconsidered and its semantics depended on a context. As we can see from the representation on important ritual objects, barbarian inhabitants of the Bosphorus saw in the image of a winged woman on the Greek works of art not a personification of victory from alien mythology, but their own deity, one of the incarnations of the Great goddess.